

*Общие проблемы
истории и философии науки*

СИЛЛОГИЗМ И «ОБРАЩЕНИЯ» У АРИСТОТЕЛЯ

Е.В. Орлов

В.В. Целищев пишет: «... Логика имеет дело с принципами правильного вывода. Впервые принципы правильного вывода, обобщившие практику досократиков, были сформулированы Аристотелем в *Органоне*» [1]. Современные логики и специалисты по философии логики (В.В. Целищев в том числе), упоминая Аристотеля в связи с «выводом» (*inference*), имеют в виду, как правило, его силлогизмы. При этом комментаторы расходятся во мнениях: следует ли рассматривать аристотелевский силлогизм как «импликацию» (Я. Лукасевич) или же как «дедукцию-вывод» (Дж. Коркоран)? В предлагаемой статье мы не будем пытаться истолковать аристотелевский силлогизм с этой точки зрения. Мы обратим внимание на другое, а именно, на то, что сам Аристотель в «Органоне» наряду с силлогизмом имеет в виду еще одну операцию, которая, с нашей точки зрения, в некоторой степени соответствует современным представлениям о «правильном выводе», – операцию «обращения». В чем разница между «обращениями» и силлогизмами с точки зрения Аристотеля? В первой части статьи мы рассмотрим «обращения» у Аристотеля, во второй – силлогизмы, а в третьей части сравним их.

I. «Антистрофы» у Аристотеля

Широко известны логические правила обращения, введенные Аристотелем и сохраняющие свою силу до наших дней: общеот-

рицательная посылка обращается в общеотрицательную, общеутвердительная – в частноутвердительную, а частноутвердительная – в частноотрицательную. Аристотель именуется операцией «обращения» на греческом языке глаголом ἀντιστρέφειν или же именем существительным ἀντιστροφή (а иногда употребляет прилагательное ἀντίστροφος). Существительное ἀντιστροφή присутствует в русском языке, где звучит как «антистрофа». Однако Аристотель называет «антистрофами» не только выше упомянутые обращения посылки, но и некоторые другие преобразования. Вместе с тем он использует и иные лексические выражения, обозначающие «обратимость». Поэтому перед читателем «Органона» встают вопросы: какие варианты «обращения» имеет в виду Аристотель в том или ином контексте и какими лексическими выражениями он предпочитает обозначать те или иные варианты «обращения»?

Имя «антистрофа» восходит, судя по всему, к поэзии и театру. Напомним, что «строфой» в античной лирике и драматических хорах называется соединение двух и более стихов, составляющих единое ритмическое и интонационное целое, а «антистрофой» – вторая строфа в паре строф, написанных одним и тем же метром. Интерес представляет и то обстоятельство, что «строфой» также называют песнь хора на сцене, сопровождающуюся перемещением хора справа налево, а «антистрофой» – песнь, сопровождающуюся перемещением в обратном направлении.

Аристотель иногда употребляет имя «антистрофа» так, что его смысл трудно истолковать однозначно (возможно, он употребляет это имя в подобных ситуациях метафорически). Например, «Риторику» он начинает словами: «Риторика есть антистрофа диалектики...» (1354 а 1) [2]. Полемика по поводу истолкования этой строки продолжается со времен Александра Афродисийского вплоть до наших дней [2]. В *Rhet.* III 9 в контексте учения о стиле Аристотель различает стиль «нанизывающий» (εἰρομένη) и «поворотный» (κατεστραμμένη) (1409 а 24–27). Древние авторы подчас не разбивали свой текст на отдельные предложения, а писали его в виде как бы единого сложносочиненного предложения. Такой стиль Аристотель называет «нанизывающим» (1409 а 27–34). Аристотель же отдает предпочтение разбивке текста на «периоды», сравнивая последние с «антистрофами» древних поэтов (1409 а 27, б 27). Стиль текста, написанного «периодами», Аристотель называет «поворотным». Отметим, что сам Аристотель

пишет свои трактаты как правило «периодами», однако переводчики обычно разбивают их в своих переводах на отдельные предложения. Части периодов Аристотель не называет «строфами» и «антистрофами», хотя определенные противопоставления внутри периодов предполагает (он разделяет периоды, состоящие из нескольких колонов, на «разделительные» – διηρημένῃ и «противоположительные» – ἀντικειμένῃ, см. 1409 b 33–34). Аристотель оставляет слово «антистрофа» для иных употреблений.

В «Политике» Аристотель называет «антистрофными» определенные виды монархии, олигархии и демократии. Вообще, правильные государственные устройства, согласно Аристотелю, включают царскую власть, аристократию и политику (ἡ πολιτεία); отклонения (παρεκβάσεις) от правильных устройств: для царской власти – тирания, для аристократии – олигархия, для политики – демократия (*Pol.* III 1279 b 4–6). Каждое правильное государственное устройство и отклонение от каждого из них имеют по несколько видов. Среди четырех видов олигархии Аристотель называет «антистрофой» четвертый вид олигархии, а именно, династическую олигархию, управляемую не на основе законов, а на основе произвола архонтов, добавляя, что так же относится пятый вид демократии к остальным четырем и тирания – к монархии (*Pol.* IV 1292 b 7–10). Пятый вид демократии (т.е. «антистрофу» демократии) он описывает в IV 1292 a 4–37. Суть этого вида демократии сводится к тому, что народное собрание принимает решения не на основе закона, а произвольно. Что касается тирании, то она упоминается и как «отклонение» от правильной монархии, и как «антистрофа» (IV, 1295 a 18). Если мы сравним все аристотелевские описания и определения видов монархии и тирании (в III 1284 b 35 – 1288 b 6 и IV 1295 a 1–24), то в конечном итоге получится, что Аристотель различает три вида правильной монархии и три вида тирании. В этом смысле тирания – отклонение от правильной монархии. Один из трех видов тирании, а именно, «тиранию по преимуществу» (IV 1295 a 17–19), он называет «антистрофной». Однако если «антистрофные» олигархию и демократию Аристотель называет «антистрофами» по отношению к другим видам олигархии и демократии, то «тиранию по преимуществу» он называет «антистрофной» по отношению к «абсолютной монархии» (τῆ βασιλείᾳ), а не по отношению к остальным видам тирании. «Антистрофные» государственные устройства объединяет то, что при всех остальных государственных устройствах

власти так или иначе правят на основе законов, а при «антистрофных» – не на основе законов, а на основе беззакония: при тирании – по преимуществу на основе произвольных решений тирана, при антистрофной олигархии – на основе произвольных решений олигархов, а при антистрофной демократии – на основе произвольных решений народного собрания.

Однако далее нас будет интересовать аристотелевское употребление слова «антистрофа» главным образом в «Органоне».

Антистрофы в «Первой аналитике»

Первый вариант «антистрофы» – это уже упоминавшиеся преобразования посылок следующего вида (*Ап. Пр.* I 2):

1-й вариант обращения:
 $AeB \Rightarrow BeA, AaB \Rightarrow BiA, AiB \Rightarrow BiA.$

На русский язык «антистрофу» в этом смысле переводят как «обращение» (на англ. *conversion*, конверсия).

Второй вариант «антистрофы». Аристотель приводит правила обращения и для модальных посылок, которые отчасти повторяют первый вариант обращения (*Ап. Пр.* I 3):

25 а 28–29: $N AaB \Rightarrow N BiA; N AiB \Rightarrow N BiA; N AeB \Rightarrow N BeA;$
 25 а 37–40: $P AaB \Rightarrow P BiA; P AiB \Rightarrow P BiA.$

Однако правила обращения модальных посылок отчасти включают в себя и существенно иной вариант обращения (*Ап. Пр.* I 13):

2-й вариант обращения:
 32 а 29–35: $P AaB \Rightarrow P AeB; P AeB \Rightarrow P AaB.$

В последнем варианте обращений посылка с модальностью «может быть» (P) нет взаимной перестановки терминов, нет здесь и преобразования посылки по количеству. Аристотель называет такие преобразования «обращением (антистрофой) [посылка], имеющих утвердительную схему, на основании антитезиса (*κατὰ τὴν ἀντίθεσιν*)» (32 а 31–32), т.е. обращением через противопоставление. Внешне это

похоже на современные непосредственные умозаключения по логическому квадрату. Однако надо помнить, что, согласно Аристотелю, посылки (P AeB) и (P AoB) суть обращенные утвердительные посылки, а не отрицательные, ибо то, что «может быть», может и не быть (32 a 31–35, 32 b 1–3).

Третий вариант «антистрофы» мы обнаруживаем в *An. Pr.* II 8–10. Речь в этих главах идет уже о преобразованиях не посылок, а силлогизмов. В первой фигуре силлогизма для модуса *Barbara* такие «антистрофы» имеют следующий вид:

3-й вариант обращения:

- 1) $(AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma) \Rightarrow (Ae\Gamma, AaB \vdash Be\Gamma)$;
- 2) $(AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma) \Rightarrow (Ae\Gamma, Ba\Gamma \vdash AoB)$;
- 3) $(AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma) \Rightarrow (AaB, Ao\Gamma \vdash Bo\Gamma)$;
- 4) $(AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma) \Rightarrow (Ao\Gamma, Ba\Gamma \vdash AoB)$.

Суть этих преобразований состоит в следующем: заключение заменяется на противную (контрарную) посылку, как в преобразованиях (1) и (2), или противоречащую (контрадикторную), как в преобразованиях (3) и (4), и переносится на место одной из посылок; другая посылка остается прежней; в результате мы должны получить силлогизм, заключение которого противоречит (или противно) замененной посылке. Аристотель принимает такие преобразования для всех правильных модусов трех фигур силлогизмов, «отбраковывая» те случаи, когда силлогизм вообще не получается (ибо обе посылки оказываются частными) или когда заключение получившегося силлогизма, будучи противным замененной посылке, оказывается частным. «Антистрофы» такого вида, признанные правильными, используются при доказательствах «через приведение к невозможному» (*An. Pr.* II 11–13).

На русский язык «антистрофу» в этом смысле Б.А. Фохт [3] и З.Н. Микеладзе [4] переводят как «превращения». Такой перевод позволяет отличать данный вариант «обращения» у Аристотеля от остальных: первый и второй варианты «антистрофы» – «обращения», третий вариант «антистрофы» – «превращение». Однако такой перевод вносит и дополнительную «путаницу», поскольку в современных учебниках по формальной логике «превращением» называют иную логическую операцию. На это указывает в своих примечаниях Б.А. Фохт [5]. «Превращение» ныне – вид непосредственного

умозаключения, при котором изменяется качество посылки без изменения ее количества:

$$A \Rightarrow E, E \Rightarrow A, I \Rightarrow O, O \Rightarrow I.$$

Отметим, что если сводить обращение силлогизма к замене его заключения на противоречащую (или противную) посылку, то и эта замена соответствует в современных учебниках не превращению, а непосредственному умозаключению по логическому квадрату (хотя в *De Int.* 6–11, где Аристотель рассматривает собственно отношения противности-контрарности и противоречия-контрадикторности посылок, он не употребляет слова «антистрофа»). Поэтому есть смысл в том, что в английских переводах данный вариант аристотелевской «антистрофы», как и предыдущие, называют «конверсией». Ибо удобнее говорить о трех или более вариантах «конверсии» (обращения), чем вносить дополнительную «путаницу» введением разных переводов для одного и того же греческого слова. Тем более, что есть основание говорить в первых двух случаях об «обращении посылок», а в третьем – об «обращении силлогизмов». А что касается «превращений» в современном смысле, то у Аристотеля есть и они. Он рассматривает их в *An. Pr.* I 46. Однако его подход к этому вопросу несколько отличается от современного. Определенное истолкование аристотелевских «превращений» предложил В.А. Бочаров в книге «Аристотель и традиционная логика» [6]. Свои «превращения» Аристотель не называет «антистрофами».

Антистрофы в «Категориях»

Четвертый вариант «антистрофы» встречается в «Категориях», когда Аристотель рассматривает предикамент (категорию) «соотнесенность» (τὸ πρὸς τι) (*Cat.* 7, 6 b 28–36): «Все “соотнесенное” называется относительно *обращающегося* (ἀντιστρέφοντα), например раб называется рабом владыки, а владыка называется владыкой раба, и двойное – двойным половинного, а половинное – половинным двойного, и более великое – более великим менее великого, а менее великое – менее великим более великого, так же и для иных; разве что иногда будет лексическая разница в падежах, например разумение называется разумением разумеющегося, а разумеющееся – разумеющимся»

разумением, и чувственное восприятие – чувственным восприятием чувственно воспринимаемого, а чувственно воспринимаемое – чувственно воспринимаемым чувственным восприятием».

Далее (6 b 36 – 7 b 14) Аристотель рассматривает возможные ошибки в обозначении «соотнесенного», которые могут затруднить его обращаемость. Ибо все соотнесенности, обозначенные надлежащим образом, должны быть обратимыми. Дж. Экрилл поясняет этот вариант «антистрофы» следующим образом.

4-й вариант обращения:

«*A* соотнесено с *B*» означает, что

«*X* есть *A* для *Y*» влечет (entails) «*Y* есть *B* для *X*»,

а «*Y* есть *B* для *X*» влечет (entails) «*X* есть *A* для *Y*» [7].

Существующие переводы «антистрофы» (ἀντιστρέφειν) в 4-м варианте мы представили в табл. 1.

Таблица 1

Переводчик	ἀντιστρέφειν – обращение	ἀντιστρέφοντα – обращающееся
А.В. Кубицкий [8]	обращение	вещи, находящиеся во взаимной зависимости
Дж. Экрилл [9]	reciprocation	correlatives that reciprocate
З.Н. Микеладзе [10]	обоюдность	обоюдное

Отметим, что в *Met.* V 15, где Аристотель также разграничивает значения «соотнесенности», «антистрофа» не упоминается. А вот в *Top.* VI 12 в связи с одним из топосов, касающихся «соотнесенности», вновь читаем (149 b 12): «...Все соотнесенное обращается (ἀντιστρέφει)». М.И. Иткин дает в данном случае перевод «обратно» [11].

Еще один вариант «антистрофы» встречается в «Категориях», когда Аристотель рассматривает постпредикаменты (метакатегории) «предшествующее и последующее» и «[данное] вместе». Мы бы отнесли это содержание к метафизике, поскольку Аристотель называет «предшествующее» в «Метафизике» (IV 2, 1005 a 13–18) в числе метакатегорий [12]. Разграничения значений «предшествующего»

мы находим в *Cat.* 12 и *Met.* V 11. В *Cat.* 12 Аристотель сначала разграничивает четыре значения «предшествующего», а затем называет еще одно, пятое. О втором значении он пишет следующее (14 а 26–35): «“Предшествующее” одно другому сказывается четвероюко <...> во-вторых, [как] необратимость по следованию бытия (τὸ μὴ ἀντιστρέφον κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν), например единое предшествует двум, ибо если *есть* два, то сразу следует, что *есть* единое, если же *есть* единое, не необходимо, что *есть* два, так что следование за бытием единого остального не обращается; “предшествующее” же, мнится, есть такое, за которым не обращается следование бытия...».

Ключевое значение для нас имеет понятие «следование бытия» (ἡ ἀκολούθησις τοῦ εἶναι). Отметим, что если в русских переводах (А.В. Кубицкого и З.Н. Микеладзе) дается именно такой перевод – «следование бытия» [13], то Дж. Экрилл переводит это выражение как *implication of existence* (импликация существования) [14]. В приведенном фрагменте речь идет о *необратимости* по следованию бытия. Однако здесь же, в *Cat.* 12, в пятом определении «предшествующего», а именно, «предшествующего» как «причины» мы встречаемся и со случаем *обратимости* по следованию бытия (14 б 10–22): «Может возникнуть мнение, что помимо названных есть и другой способ “предшествования”: ибо при обратимости по следованию бытия причина, [которая] так или иначе [выступает в качестве причины] бытия для другого, справедливо сказывалась бы “предшествующей” по природе. А что нечто такое есть, ясно: ибо бытие человека обращается по следованию бытия с истинным о нем логосом, ибо если человек *есть*, истинен логос, которым мы говорим, что человек *есть*; и [это] обращается – ибо если истинен логос, которым мы говорим, что человек *есть*, то человек *есть*; истинный же логос никоим образом не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, – каким-то образом причина бытия истинного логоса; ибо из-за бытия или не[бытия] вещи логос сказывается истинным или ложным».

В данном случае Аристотель рассматривает такое «обращение по следованию бытия»:

если человек *есть*, то истинно, «что человек есть»,
а если истинно, «что человек есть», то человек *есть*.

Для Аристотеля в данном случае важно, что «причина» и «причиненное» при «обращении по следованию бытия» остаются прежними, а именно, бытие вещи остается причиной истинности логоса независимо от того, в каком направлении мы рассматриваем следование бытия вещи и логоса. Аристотель также ведет речь об «обратимости по следованию бытия» при разграничениях значений метакатегории «вместе» (ἄμω) (*Cat.* 13). Аристотель, во-первых, разграничивает «вместе» по времени и «вместе» по природе, а во-вторых, разграничивает два значения «вместе» по природе. Для нас представляет интерес первое из значений «вместе» по природе (14 b 27 – 14 b 32): «А “вместе” по природе то, что *обращается по следованию бытия* (ἀντιστρέφει μὲν κατὰ τὴν τοῦ εἶναι ἀκολούθησιν), но одно никоим образом не есть причина бытия другого, например в случае двойного и половинного: ибо они обращаются (ἀντιστρέφει), – ибо если *есть* двойное, то *есть* половинное, и если *есть* половинное, то *есть* двойное, – но ни одно из них не есть причина бытия другого».

В данном случае Аристотель рассматривает в качестве примера обратимости по следованию бытия «соотнесенность» двойного и половинного, которую он рассматривал также в качестве примера «обратимости» соотнесенностей (четвертый вариант «антистрофы»); только в *Cat.* 12 он акцентировал внимание на том, что «соотнесенности» обратимы, а в *Cat.* 13 – на том, что «соотнесенности» даются нам «вместе». Однако «обратимость по следованию бытия», в том числе при условии, что одно не есть причина другого, не ограничивается обратимостью «соотнесенностей».

Материалы «Категорий» не до конца проясняют суть «обратимости по следованию бытия». В *Met.* V 11 при разграничении значений «предшествующего» обратимость и необратимость по следованию бытия не учитываются. Однако в «Топике» и «Второй аналитике» мы встречаемся с «обратимостью», которая, с нашей точки зрения, соответствует «обратимости по следованию бытия», и там же находим полезные пояснения этого варианта обратимости.

Антистрофы в «Топике» и «Второй аналитике»

В «Топике» Аристотель говорит об «обратимости» в нескольких вариантах. В частности, в *Top.* VIII 14, употребляя слово «антистрофа»,

он имеет в виду уже рассмотренный нами третий вариант обращения (163 а 29–34): «Для упражнения в приведении таких доводов и для обучения им надо прежде всего приучаться к превращению [заключений] (ἀντιστρέφειν, обращению [силлогизмов]. – *Е.О.*). В самом деле, именно таким образом у нас будет больше средств для обсуждения того, о чем речь, и при немногих [положениях] будем хорошо знать много доводов. Произвести превращение [τὸ ἀντιστρέφειν, обращение. – *Е.О.*] – значит измененным [в противоположное] заключением вместе с остальными посылками опровергнуть одно из данных [положений]». (Пер. М.И. Иткина) [15].

Однако в той же «Топике» мы встречаемся с двумя новыми вариантами «антистрофы» (обращения), которые с учетом четырех предыдущих вариантов «антистрофы» (в *An. Pr.* и *Cat.*) мы будем называть пятым и шестым вариантами. Эти варианты обратимости связаны с предикабиями: род (γένος) и различие (διαφορά; видовое отличие), свойство (ἴδιον; собственное), определяющее (ὄρος; определение), сопутствующее (συνβεβηκός; привходящее). В круглых скобках наряду с греческими словами мы указали их переводы, данные М.И. Иткиным [16]. Аристотель показывает, что одни предикабии обращаются, а другие – нет. Напомним, что в «Топике» излагается диалектика (в античном смысле), которую современные логики иногда уподобляют не логике как науке о логическом следовании, а теории аргументации.

Пятый вариант «антистрофы» Аристотель иногда называет «антистрофой» (ἀντιστρέφειν), а иногда – «антивысказыванием» (ἀντικατηγορεῖν). Существующие переводы глагола ἀντικατηγορεῖται (антивысказываться) мы представили в табл. 2.

Аристотель поясняет суть «антистрофы» как «антивысказывания» при определении предикабии «свойство (свое)» (ἴδιον) в «Топике» (I 5, 102 а 18–24): «Свое (ἴδιον) есть то, что не проясняет сути бытия, но присуще только вещи и *антивысказывается* (ἀντικατηγορεῖται) с ней. Например, свое для человека – восприимчивость к грамотности [т.е. способность обучаться чтению и письму]: ибо если человек *есть*, [то и] восприимчивость к грамотности *есть*, и если восприимчивость к грамотности *есть*, [то и] человек *есть*. Ибо никто не называет своим то, что может быть присуще иному, например “спать” для человека, даже если бы случилось, что в какое-то время [это состояние было бы] присуще только ему». В *Тор.* I 5, 102 а 28–30 Аристотель добавляет: «А что

ничто [из того], что может быть присуще иному, *не антивысказывает-ся*, ясно: ибо не необходимо, если кто-то спит, [то] человек *есть*».

Таблица 2

Переводчик	ἀντικατηγορεῖν			
	<i>An. Post.</i> I 4, 73 a 16–17	<i>An. Post.</i> I 22, 83 a 37–38	<i>Top.</i> I 5, 102 a 19, 155 a 26	<i>Top.</i> I 5, 102 a 29
Пикард-Кембридж [17]	–	–	is predicated convertibly	is a convertible predicate
Фохт [18]	приписываться друг другу	приписываться друг другу	–	–
Микеладзе [19]	взаимно обратимы	сказываться друг о друге	–	–
Иткин [20]	–	–	взаимо-заменяемость	взаимо--заменяемость
Барнс [21]	counterpredicated	counterpredicated	–	–

Получается, что суть «антивысказывания», согласно приведенному определению «свойства», сводится к следующему:

5-й вариант обращения:

Если *есть В, есть А*, а если *есть А, есть В*.

С нашей точки зрения, это и есть «обратимость по следованию бытия», о которой Аристотель вел речь в «Категориях».

Для «полноты картины» надо помнить, что вообще Аристотель учитывает свойства простые (ἀπλῶς) и относительные, или же условные (πρὸς ἢ πρὸς τι ἴδιον). До сих пор у нас шла речь о простых свойствах. Именно простые свойства равны по объему тому, чему они присущи (т.е. своему субъекту). Условные же свойства присущи тому или

иному только в данное время или относительно чего-то; условные свойства в отличие от простых не *антивысказываются* (I 5, 102 a 24–28). Однако Аристотель при философском словоупотреблении ведет речь, как правило, о простых свойствах. Так что, согласно Аристотелю, далеко не любой предикат можно называть «свойством».

Если в *Тор.* I 5 при рассмотрении «свойства» Аристотель называет такой вариант обращения «антивысказыванием» (*ἀντικατηγορεῖν*), то в *Тор.* VII 5, имея в виду такой же вариант обращения, он употребляет глагол «обращаться» (*ἀντιστρέφειν*), тем самым относя «антивысказывание» к «антистрофам» (154 b 2, 154 b 6). В то же время здесь же, в *Тор.* VII 5, Аристотель употребляет и лексему τὸ ἀνάπαλιν (обратное), которая указывает на «антивысказанную посылку». Эту же лексему τὸ ἀνάπαλιν в выражении «посылка, принятая обратно (*ἀνάπαλιν*) по категориальному сказыванию» Аристотель употребляет для указания на антивысказывание в *Ап. Пр.* II 5, 57 b 19–20.

Итак, «антивысказывание» в разных контекстах Аристотель называет как *ἀντικατηγορεῖν* (антивысказывание), *ἀντιστρέφειν* (обращение) или *ἀνάπαλιν* (обратное). Существующие переводы глагола *ἀντικατηγορεῖται* (антивысказываться) мы уже представили в табл. 2. Существующие переводы *ἀντιστρέφειν* и *ἀνάπαλιν* в смысле «антивысказывания» представлены в табл. 3.

Возможность антивысказывания полагается Аристотелем в качестве одного из трех оснований систематизации предикабилей в *Тор.* I 8, 103 b 6–7 (табл. 4).

Как видно из табл. 4, *антивысказывается*, согласно Аристотелю, не только свойство, но и определяющее, а род и сопутствующее не *антивысказываются*. Вообще, Аристотель рассматривает «определяющее» как вариант «свойства» (*Тор.* I 4, 101 b 19–23): «Так как среди свойств (τὸ ἰδίον) одни означают суть бытия (τὸ τί ἦν εἶναι), а другие не означают, разделим свойства на обе только что названные части и назовем обозначающее суть бытия опреляющим (ὄρος), а остальные, согласно общепринятому наименованию, свойствами». Современные философы в большинстве своем скептически относятся к «суги бытия», к самой возможности ее выделения. Поэтому аристотелевская дистинкция «определяющее – свойство» сегодня непопулярна.

Таблица 3

Переводчик	ἀντιστρέφειν		ἀνάπαλιν	
	<i>Top. VII 5</i>	<i>An. Pr. II 5–7</i>	<i>Top. VII 5</i>	<i>An. Pr. II 5–7</i>
Пикард-Кембридж [22]	the converse	–	the converse	–
Фохт [23]	–	обращаться	–	[посылка], подвергнутая обращению в отношении своего сказуемого
Иткин [24]	взаимозаменяемость	–	обратное	–
Микеладзе [25]	–	обращаться	–	[посылка], подвергнутая обращению в отношении сказуемого
Смит [26]	–	convert	–	reversed in predication

Таблица 4

Антивысказываемое		Неантивысказываемое	
Обозначает суть бытия	ὅρος – определяющее	Сказывается в определении	γένος – род (и διαφορά – различие)
Не обозначает суть бытия	ἴδιον – свойство	Не говорится в определении	συμβεβηκός – сопутствующее

После Аристотеля комментаторы назвали выделенные им виды предикатов (предикаты посылок, выражающих род и различие, свойства, определяющее, сопутствующее) предикабиями, но изменили их число, номенклатуру и отказались от смысла аристотелевского раз-

деления (или просто утеряли его). Порфирий и впоследствии преп. Иоанн Дамаскин упоминают «антивысказывания» под именем «антистроф» только в связи со «свойствами» (ибо «определяющее» они опускают). В систематизации предикабилей «антивысказываемость» ими не учитывается. У Аристотеля же «антивысказываемость» играет не только более заметную роль в диалектике (как основание для типологии посылок), но и определенную роль в метафизике, силлогистике, а также значительную роль в аподиктике.

Аристотель переносит обращения предикабилей в свое учение о доказательстве, которое излагает во «Второй аналитике». Аристотелевское учение о доказательстве (аподиктика) не является чисто формальным, поскольку при построении доказательства (согласно правильным модусам силлогизмов) мы должны учитывать целый ряд содержательных характеристик посылок. В частности, мы должны учитывать, какие предикабилей выражаются той или иной посылкой, т.е. выражаются ли посылкой род и различие, или свойство, или определяющее, или сопутствующее. Отметим, что в современных учебниках по формальной логике в учении о понятии учитываются такие определенности как вещь, свойство, отношение; свойства и отношения называют признаками; признаки делят на существенные и несущественные, отличительные и неотличительные. Эти определенности, судя по всему, в конечном итоге исторически восходят к аристотелевским предикабиям (а может быть, отчасти и к его предикаментам, т.е. категориям). И в математической логике при интерпретации логических систем учитывается разница между терминами единичными и общими, конкретными и абстрактными. В некотором смысле аристотелевское учение о доказательстве также можно рассматривать как один из вариантов «интерпретации» его силлогистики.

Во «Второй аналитике» I 3 Аристотель, опровергая возможность доказательства по кругу, допускает одно исключение (73 а 6–7): «...Это [т.е. доказательство по кругу] невозможно, исключая те [случаи], при которых [термины] следуют друг за другом (ὅσα ἀλλήλοις ἔπεται) как свойства (ὅσπερ τὰ ἴδια)». Далее Аристотель поясняет (*An. Post.* I 3, 73 а 11–14): «Если бы *A* следовало (ἔπεται) за *B* и *Γ*, а они друг за другом (ἀλλήλοις) и за *A*, тогда можно друг из друга показать все требуемое по первой фигуре, как было показано в [в разделах] о силлогизме». «Следовать друг за другом» в данном случае означает «антивысказываться». Здесь Аристотель допускает «антивысказы-

ваемость» только для «свойств». Схожее суждение он делает в *An. Post.* I 22, 83 а 36–39, только теперь речь идет не о «свойствах», следующих друг за другом, а о «качествах качеств»: антивывысказываются только качества качеств.

«Разделы о силлогизме», на которые ссылается Аристотель в фрагменте (I 3, 73 а 11–14), это *An. Pr.* II 5–7. Обращаясь к этим главам, мы вновь оказываемся в области формальной силлогистики. В *An. Pr.* II 5, 57 b 18–21 Аристотель пишет, что при определенных условиях мы можем показать по кругу, в частности, бóльшую посылку силлогизма по первой фигуре (*Barbara*) через его заключение и обращенную меньшую посылку (возможность этой обратимости и составляет «определенные условия»):

исходный силлогизм – $AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$,
показ по кругу бóльшей посылки – $Aa\Gamma, \Gamma aB \vdash AaB$ [27].

Обратим внимание: Аристотель говорит о возможной обратимости меньшей посылки, хотя ее субъект может обозначать и сущность, т.е. он как бы «забывает» о своем ограничении антивывысказываемости «следующими друг за другом свойствами» и «качествами качеств». Аристотель не употребляет в *An. Pr.* II 5–7 слово «антивывысказывание» ($\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$). В этих главах он ведет речь прежде всего об обращениях ($\acute{\alpha}\nu\tau\iota\sigma\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$, «антистрофах»), иногда употребляя уже упоминавшееся нами слово $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}\pi\lambda\iota\nu$ («обратно», см. табл. 3), а также причастие $\acute{\alpha}\nu\tau\epsilon\sigma\tau\rho\alpha\mu\epsilon\nu\omicron\nu$, являющееся производной словоформой от того же глагола $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\sigma\tau\rho\epsilon\acute{\iota}\nu$ (обращаться), от которого образуется и слово «антистрофа». Однако речь идет в этих главах об «антистрофах» именно как «антивывысказываниях». Особенность силлогизмов, которые рассматриваются в этих главах, состоит в том, что их общеутвердительные посылки обращаются не по общему правилу $AaB \Rightarrow BiA$, а по особенному – $AaB \Rightarrow BaA$.

В современных учебниках по формальной логике с учетом распределенности терминов в суждении различают обращения с ограничением и простые, или же чистые, обращения, т.е. обращения без ограничения. Поскольку в общеотрицательном суждении и субъект, и предикат распределены, обращение общеотрицательной посылки в общеотрицательную – простое, или же чистое. Поскольку в общеутвердительной посылке по общему правилу предикат не распределен, она обращается

с ограничением в частноутвердительную. Однако и в общеутвердительной посылке предикат может оказаться распределенным. В этом случае становится возможным простое обращение общеутвердительной посылки в общеутвердительную. Аристотелевские «антистрофы» как «антивысказывания» ($AaB \Rightarrow BaA$), судя по всему, можно рассматривать как аналог простого обращения, т.е. обращения без ограничения, в традиционной логике.

Аристотель в определенном смысле «формализует» содержательные условия, которые он рассматривает в *Top.* и *An. Post.*, так как в *An. Pr.* II 5–7 он пишет не о «свойствах» и «антивысказываниях», а вводит обратимость ($AaB \Rightarrow BaA$) как некое условие. Если это условие выполняется, то возможны дополнительные формальные преобразования силлогизмов, в результате которых мы получаем определенные производные формы правильных силлогизмов. В *An. Pr.* II 5 он рассматривает для каждого правильного модуса первой фигуры, какие посылки можно показать через заключение и другую посылку при условии выполнимости простых обращений общеутвердительных посылок, а какие – нельзя. В *An. Pr.* II 6 он рассматривает то же самое для модусов второй фигуры, а в *An. Pr.* II 7 – для модусов третьей.

Возвращаясь во «Вторую аналитику», т.е. из силлогистики в аподиктику, обратим внимание на замечание самого Аристотеля в *An. Post.* I 3, что *антивысказывающиеся* посылки «в доказательствах немногочисленны» (73 а 17–18). Однако он использует производные формы силлогизмов с обращающимися без ограничения общеутвердительными посылками не только при доказательствах, но и при индукции. Например, допустим, что мы хотим знать, почему некоторые животные живут дольше других. В *An. Pr.* II 23 Аристотель рассматривает индуктивный силлогизм со следующими терминами:

A – долгоживущее;

B – не имеющее желчи;

Γ – единичное (по виду) долгоживущее, как то человек, конь или мул.

Доказывающий силлогизм должен был бы иметь форму AaB , $Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$. Но нам пока неизвестно AaB , т.е. нам пока не известно, что причина долгожительства – отсутствие желчи. В то же время нам известно, что $Aa\Gamma$ и $Ba\Gamma$, причем мы принимаем $Ba\Gamma$ как обратимое без

ограничения. Зная это, мы можем умозаключить: $Aa\Gamma, \Gamma aB \vdash AaB$ – и тем самым ответить на интересующий нас вопрос: дольше живут те животные, у которых нет желчи. Отметим, что «долгожительство» и «неимение желчи» выступают в данном случае «следующими друг за другом свойствами». Более подробно мы рассмотрели этот вопрос в нашем докладе «Индуктивный силлогизм у Аристотеля» [28].

Силлогизм $Aa\Gamma, \Gamma aB \vdash AaB$ является производной формой силлогизма $AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$ при выполнимости $Ba\Gamma \Rightarrow \Gamma aB$, т.е. при индуктивном умозаключении используются преобразования силлогизмов, которые Аристотель рассматривает в *An. Pr.* II 5–7. Прежде чем использовать в *An. Pr.* II 23 производные формы силлогизмов, установленных в *An. Pr.* II 5–7, Аристотель записывает их в *An. Pr.* II 22 в виде правил. Так, производный силлогизм, используемый в приведенном выше примере, Аристотель записывает в *An. Pr.* II 22, 68 а 21–25 так: «Опять же, когда A и B были бы присущи в целом Γ [$Aa\Gamma, Ba\Gamma$], Γ же было бы обратимо с B [$Ba\Gamma \Rightarrow \Gamma aB$], [то] с необходимостью A присуще всем B : ибо когда A [присуще] всем Γ , а Γ [присуще] B через обращение, и A [присуще] всем B ».

Обратим внимание, что в ранее приведенном фрагменте *An. Post.* I 3, 73 а 11–14: «Если бы A следовало ($\acute{\epsilon}\tau\eta\tau\alpha\iota$) за B и Γ , а они друг за другом ($\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\iota}\lambda\omicron\iota\varsigma$) и за A , тогда можно друг из друга показать все требуемое по первой фигуре, как было показано в [в разделах] о силлогизме», – дается фактически та же формулировка.

Здесь может возникнуть один вопрос, который кто-то считает неважным, а кто-то – достойным рассмотрения. Мы имеем в виду следующий вопрос: в вышеприведенном правиле *An. Pr.* II 22, 68 а 21–25 речь идет о силлогизме третьей фигуры или о силлогизме, остающемся производной формой силлогизма первой фигуры? С.А. Лебедев, подразумевая рассмотренное нами индуктивное умозаключение о «долгожительстве» из *An. Pr.* II 23, считает, что «с точки зрения логической формы Аристотель трактовал силлогистическую (полную) индукцию как умозаключение по 3-й фигуре силлогизма (*Darapti*), но с распределенным средним термином в меньшей посылке» [29]. Нам такая позиция представляется спорной. О том, идет ли речь в данном случае у Аристотеля о полной или о неполной индукции, мы высказались в уже упомянутом докладе «Индуктивный силлогизм у Аристотеля». А что касается фигуры индуктивного силлогизма, то сам Аристотель в вышеприведенном фрагменте из *An. Post.* I 3, 73 а 11–14

пишет, что «можно друг из друга показать все требуемое *по первой фигуре*». Таким образом, при обращениях без ограничения общеутвердительных посылок (т.е. при пятом варианте «антистрофы») и соответствующих перемещениях заключения и другой посылки фигура силлогизма не меняется. Сам С.А. Лебедев, приводя в словесной форме индуктивный силлогизм, касающийся долгожительства животных, записывает его заключение так: «Всякое существо, не имеющее желчи, долговечно», – т.е. как общеутвердительное суждение. А ведь в *Darapti* заключение должно было бы быть частным. Судя по всему, С.А. Лебедев не учитывает всю ту проблематику, которую мы рассматриваем в данной статье в качестве пятого варианта «антистрофы» (проблематику *антивысказываемости*, свойств и силлогистических преобразований при обратимости общеутвердительных посылок без ограничения). Б.А. Фохт, комментируя *An. Pr.* II 23, 68 b 23–24, справедливо пишет: «Условием же получения индуктивного умозаключения посредством тех же терминов, что в силлогизме, является чистая (полная) обратимость меньшей посылки. Вне этого условия индукция представляет собой третью фигуру силлогизма, дающую не общее, а лишь частное заключение. При условии же чистой (полной) обратимости меньшей посылки индуктивное умозаключение принимает вид первой фигуры (модус ААА)» [30].

Завершая рассмотрение пятого варианта «антистрофы», напомним, что в трактате «О софистических опровержениях» Аристотель учитывает «паралогизм от следования» (*παρὰ τὸ ἐπόμεινον*), имеющий самое непосредственное отношение к пятому варианту «антистрофы» (5, 167 b 1–3): «Опровержение от следования (*παρὰ τὸ ἐπόμεινον*) [получается] потому, что кому-то думается, что следование обращается (*ἀντιστρέφειν τὴν ἀκολούθησιν*); ибо когда из-за того, что *есть* вот это, необходимо было бы [второе] вот это, а из-за того, что [второе] вот это *есть*, кто-то думает, что и другое [т.е. первое вот это] с необходимостью *есть*». Ошибка возникает из-за того, что положения, не обращающиеся по следованию бытия, рассматривают, как если бы они были обращающимися по следованию бытия, т.е. антивысказываемыми. В качестве *неантивысказываемых* положений Аристотель приводит следующие: «...Если всякое возникшее имеет начало, то не [необходимо, что] если нечто имеет начало, то оно возникло; так же как если у больного лихорадкой жар, то не [верно, что] если у кого-то жар, то он с необходимостью болен лихорадкой» (167 b 17–20).

Шестой вариант «антистрофы», как и пятый, вводится в диалектике и также касается предикабилей. В *Тор.* II 1 Аристотель пишет (109 а 10–26): «Труднее же всего подвергнуть обращению (ἀντιστρέφειν) наименование, свойственное сопутствующему (τοῦ συμπεβηκότος): ибо каким-то образом (πῆ), а не кафолически, может быть только сопутствующее. Ибо [наименованиям] определяющего, свойства и рода необходимо обращаться (ἀντιστρέφειν). Например, если кому-то присуще быть животным сухопутным двуногим, по обращении истинно будет сказать, что оно есть животное сухопутное двуногое. Сходно же и по роду: ибо если кому-то присуще быть животным, то он есть животное. То же и для свойства: ибо если присуще кому-то быть восприимчивым к грамотности, он будет восприимчивым к грамотности. Ибо ничто из этого не может быть присуще или не присуще на каком-то основании (κατά τι), а просто (ἀπλῶς) присуще или не присуще. Для сопутствующего же ничто не мешает быть присущим на каком-то основании (κατά τι), например, белизне или справедливости; поэтому не достаточно показать, что присуща белизна или справедливость для показа того, что [нечто] есть белое или справедливое; ибо остается спорным, *есть ли* белизна или справедливость *на основании чего-то*. Таким образом, для сопутствующего обращение (τὸ ἀντιστρέφειν) не необходимо».

Обратим внимание: предикабилия «род» не обращается согласно пятому варианту «антистрофы», но обращается согласно шестому варианту «антистрофы». З.Н. Микеладзе справедливо поясняет, что «обращение» здесь употреблено в смысле преобразования следующего вида:

6-й вариант обращения:

Высказывание «*A* присуще *B*» обращается в высказывание «*B* есть (вообще) *A*» [31].

Для уяснения шестого варианта «антистрофы» полезно вновь обратиться к трактату «О софистических опровержениях», а именно, к «паралогизму от сказываемого каким-то образом (πῆ) и просто (ἀπλῶς)» (5, 166 b 37–167 а 120). В связи с этим паралогизмом Аристотель приводит, в частности, такой пример: «...Индиец, будучи в целом черным, бел зубами [т.е. имеет белые зубы]» (167 а 7–8). Если мы истолкуем этот пример в контексте анализируемого нами фрагмента *Тор.* II 1, 109 а 10–26, то получится следующее: мы можем сказать, что «белое присуще индийцу», ибо у него белые зубы, но мы не может сказать, что

«индиец есть белый», ибо «белое» присуще индийцу «на основании зубов», а не «просто». Если мы обозначим «белое» как *A*, а «индийца» как *B*, то мы принимаем «*A* присуще *B*», но не принимаем «*B* есть *A*».

На языке Аристотеля высказывания «*Альфа* присуще *Бете*» и «*Бете* присуще *Альфе*» выражают одну и ту же пропозицию без какого-либо обращения (в древнегреческом языке порядок слов в предложении свободный, как и в русском языке). Субъект пропозиции указывается дательным падежом имени, выражающего его, а не порядком слов в высказывании (в случае буквенной записи падеж указывается артиклем перед соответствующей буквой). Первый и пятый варианты «антистрофы» предполагают взаимную перестановку терминов, выражающих субъект и предикат пропозиции, т.е. пропозиция «*Альфа* присуще *Бете*» обращается в пропозицию «*Альфе* присуще *Бета*» (или же «*Бета* присуще *Альфе*»). Шестой же вариант «антистрофы» предполагает не взаимную перестановку терминов, выражающих субъект и предикат пропозиции, а смену связки «присуще» на «есть» (при этом имя, указывающее субъект пропозиции, меняет падеж на именительный): «*Альфе* присуще *Бета*» => «*Альфа* есть *Бета*».

У Аристотеля «определяющее», «свойство» и «род» обращаются согласно шестому варианту «антистрофы» с необходимостью (109 а 13–14), а «сопутствующее» – не необходимо (109 а 25–26). Это важное обстоятельство далеко не всегда учитывается комментаторами и логиками. Известно, что аристотелевская формальная запись посылок отличается от принятой в современной формальной логике. Аристотель в большинстве случаев пишет «*A* присуще *B*». Сейчас пишут «*S* есть *P*». При этом аристотелевские послылки комментаторы и логики «запросто» переписывают на современный лад, т.е. запись «*A* присуще *B*» заменяют на запись «*B* есть *A*» без каких-либо ограничений. В то же время шестой вариант «антистрофы» показывает, что сам Аристотель такие ограничения учитывал, ибо, согласно ему, «присущее» не всегда можно заменить на «есть». «Формального» соответствия между записями «*A* присуще *B*» и «*B* есть *A*», согласно Аристотелю, нет.

Обратим внимание, что в *An. Pr.* I 2, где Аристотель вводит и обосновывает правила обращения (первый вариант «антистрофы»), если в исходной послылке он указывает «есть», то и в обращенной послылке оставляет «есть» (25 а 6–7, 9–10, 11–12), а если в исходной послылке он указывает «присуще», то и в обращенной послылке оставляет «присуще» (25 а 12–13, 17–18, 18–19, 20–21, 22–24). Исключение составляет

фрагмент (25 а 15–17). Однако именно этот фрагмент не имеет до сих пор общепризнанного истолкования и остается предметом обсуждений [32].

Предварительный итог

При рассмотрении второго и третьего вариантов «антистрофы» мы так или иначе сравнивали аристотелевские обращения с непосредственными умозаключениями (по логическому квадрату и превращениям), о которых идет речь в современных учебниках по формальной логике. Возникает вопрос: а правомерно ли вообще рассматривать аристотелевские «антистрофы» как некие аналоги непосредственных умозаключений (или же выводов из категорических суждений) традиционной логики? Это непростой вопрос. Для удобства дальнейшего рассуждения мы составили табл. 5.

Таблица 5

Традиционная логика: выводы из категорических суждений или же непосредственные умозаключения	Аристотель
умозаключения по «логическому квадрату»	<i>De Int.</i> 6–11
противопоставление предикату	?
превращение	<i>An. Pr.</i> I 46
обращение	1-й вариант «антистрофы»: обращение
?	2-й вариант «антистрофы»: обращение
?	3-й вариант «антистрофы»: обращение силлогизма
?	4-й вариант «антистрофы»: обращение соотнесенностей
?	5-й вариант «антистрофы»: антивысказывание
?	6-й вариант «антистрофы»: замена «присуще» на «есть»

В таблице 5 мы указали главы, в которых Аристотель рассматривает содержание, аналогичное непосредственным умозаключениям по логическому квадрату и превращениям. Однако, как мы уже отмечали, Аристотель не относит это содержание к «антистрофам». Что касается «противопоставления предикату», то мы предполагаем, что соответствующая «проблематика» учитывалась Аристотелем, но пока воздерживаемся от отчетливого заявления, каким образом учитывалась и где именно. Перечни непосредственных умозаключений традиционной логики и аристотелевских «антистроф» в явном виде «пересекаются» только через первый вариант «антистрофы». Мы также воздерживаемся от ответов на вопрос о том, что в современной формальной логике соответствует (и соответствует ли) остальным вариантам аристотелевских «антистроф». В целом мы склоняемся к тому, что аристотелевские «антистрофы» не следует рассматривать в качестве аналогов непосредственных умозаключений традиционной логики.

II. Силлогизм

Аристотель дает определение «силлогизма» трижды: в *An. Pr.* I 1, 24 b 18–22, *Top.* I 1, 100 a 25–27 и *Soph.* 1, 164 b 27–165 a 3. Наиболее полное определение дается в *An. Pr.* I 1, 24 b 18–22: «Силлогизм же есть логос, в котором каким-то положенным [посылкам] с необходимостью *сопутствует* (συμβάλλει) *нечто другое* (ἕτερόν τι) для положенных, благодаря их [т.е. положенных посылок] бытию» (τῷ ταῦτα εἶναι). Говорю же “благодаря их бытию” [в смысле] “сопутствование из-за них”; а “сопутствование из-за них” (τὸ διὰ ταῦτα συμβάλλειν) [значит, что] “оно не нуждается ни в каком постороннем термине, чтобы возникнуть с необходимостью”».

С нашей точки зрения, при истолковании этого определения ключевую роль надо отдать словам «сопутствует» (τὸ συμβάλλει) и «нечто другое» (ἕτερόν τι), которые в приведенном фрагменте мы выделили курсивом. В существующих русских переводах определения силлогизма глагол «сопутствует» представлен как «вытекает». Возникает подозрение, что Б.А. Фохт [33], В.П. Зубов [34] и З.Н. Микеладзе [35] в своих переводах нарочито использовали лексему фактически естественного языка, чтобы лишить ее сколько-нибудь определенного философско-логического смысла. В английских переводах

«сопутствует» (сопутствование) представлено у А. Дженкинсона как *follows (the consequence)* [36], а у Р. Смита как *result of (resulting)* [37].

Мы отдаем предпочтение переводу «сопутствует», чтобы в какой-то мере передать в русском языке единство аристотелевского словоупотребления. В «Топике» Аристотель учитывает предикабилию «сопутствующее» (συμβεβηκός). Во «Второй аналитике» он учитывает дистинкцию «сопутствующее само по себе (τὰ καθ' αὐτὰ συμβεβηκότα) и сопутствующее по совпадению (τὸ κατὰ συμβεβηκός)». В «Метафизике» Аристотель пишет, что о сопутствующем по совпадению эпистемы, т.е. знания, нет (*Met.* VI 2, 1026 b 24–27) [38]. Сопутствующее же само по себе, согласно Аристотелю, есть то, что мы доказываем. Если, например, мы провели доказательство согласно силлогизму $A B, B \Gamma \vdash A \Gamma$, то можно сказать, что « A само по себе *сопутствует* Γ ». По аналогии с доказанной (т.е. опосредованной) пропозицией Аристотель, судя по всему, и говорит, что заключение силлогизма *сопутствует* посылкам, тем самым в какой-то степени уподобляя силлогизм пропозиции.

В ряде мест «Аналитик» Аристотель обозначает буквами не термины, а одной буквой обозначает обе посылки силлогизма, другой же буквой – его заключение. Так, в *An. Pr.* I 15, 34 а 16–24 Аристотель, во-первых, приводит силлогизм $\Gamma D, D Z \vdash \Gamma Z$, а во-вторых, вводит такие обозначения: A обозначает $(\Gamma D, D Z)$, B обозначает (ΓZ) – и получает силлогизм $A \vdash B$. Такое же обозначение силлогизма он вводит в *An. Pr.* II 2, 53 b 11–20. Силлогизм $A \vdash B$ становится «похожим» на пропозицию $(A B)$. Под $A B$ в данном случае подразумевается непосредственная пропозиция, т.е. пропозиция, стоящая на месте одной из посылок заключения, а не на месте заключения. Разница между ними в том, что в случае непосредственной пропозиции $A B$ мы имеем дело со «следованием бытия» (ἡ ἀκολούθησις τοῦ εἶναι), будь то обращающееся или не обращающееся, о котором у нас шла речь в предыдущей части статьи, а в случае с силлогизмом $A \vdash B$ мы имеем дело с «сопутствованием <...> благодаря их [т.е. положенных посылок] бытию» (συμβάλλει τῷ ταῦτα εἶναι). Сами по себе лексические выражения, употребляемые Аристотелем, мало о чем говорят. Важно, какие смыслы им придает Аристотель.

Современные логики при определении «логического следования», как правило, включают в его определение истинностные значения. Подчас так же поступают и комментаторы Аристотеля, предлагающие свои рациональные реконструкции его определения «необходимого следования» (т.е. «необходимого сопутствования») при умозаклечениях.

Мы же не уверены, что такой подход соответствует аристотелевской системе мышления.

Дает ли сам Аристотель в явном виде определение «необходимого сопутствования чего-то другого»? Прежде всего Аристотель дает определение «силлогизма». Определение по общему правилу включает в себя род и различие. Родом для «силлогизма» принимается «логос», а различием – «необходимое сопутствование положенным посылкам чего-то другого благодаря бытию положенных посылок». Дает ли Аристотель в явном виде определение различия, которое он принимает для определения «силлогизма»? Аристотель считает нужным только пояснить, что значит «благодаря их бытию»: «Говорю же “благодаря их бытию” [в смысле] “сопутствование из-за них” (τὸ διὰ ταῦτα συμβαίνειν)». Чтобы понять, какое отношение к «необходимости» имеет «сопутствование из-за них», полезно обратиться к *An. Post.* I 4.

В *An. Post.* I 4 Аристотель дает определение «необходимости», но не силлогизма, а пропозиции. Мы исходим из предположения, что Аристотель вводит силлогистическую необходимость по аналогии с пропозициональной. Поэтому если задаться целью реконструировать аристотелевское определение «необходимого сопутствования благодаря бытию положенных посылок», то можно было бы попробовать сделать эту реконструкцию по аналогии с пропозициональной необходимостью. Мы уже комментировали *An. Post.* I 4 [39], поэтому сейчас напомним содержание этой главы лишь конспективно.

В *An. Post.* I 4 Аристотель пишет, что с необходимостью присуще универсальное (на языке Аристотеля – *καθολικόν*, καθόλου) (73 b 27–28). Таким образом определение «необходимости» сводится к определению «универсальности». А «универсально» то, что присуще «всем» (κατά παντός), «само по себе» (καθ' αὐτό) и «поскольку само» (ἢ αὐτό) (73 b 25–27). Аристотель разграничивает несколько значений «самого по себе» (73 a 34–73 b 24), среди которых есть такое (73 b 10–11): «...То, что присуще каждому из-за себя (δι' αὐτό) – [присуще] само по себе, а то, что [присуще] не из-за себя, [присуще] по совпадению...».

Обратим внимание на выражение «из-за себя». Аристотель поясняет его на таком примере: если человек умер от ранения, то ранение присуще смерти «из-за себя» (73 b 14–16). Если употребить это выражение применительно к силлогизму, то получилось бы, что посылки присущи

заклучению «из-за себя». Однако в определении силлогизма Аристотель говорит не о посылках, а о «чем-то другом», сопутствующем посылкам, поэтому он говорит «из-за них». Так что выражение «сопутствование из-за них» означает, что они присущи заключению «сами по себе». Если «само по себе» входит в определение «необходимости» в *An. Post.* I 4, то вероятно, что и в *An. Pr.* I 1 Аристотель при определении «силлогизма» указывает этим выражением на «необходимость».

Выражение «поскольку само», также входящее в *An. Post.* I 4 в определение «необходимости» пропозиции, указывает на «антивысказываемость» пропозиции. В статье «Аристотель о частных и универсальных доказательствах во “Второй аналитике” А» мы показали, что выражение «поскольку само» относится к «первым универсалиям» [40]. Сейчас мы бы добавили, что «первыми универсалиями» Аристотель называет субъекты *антивысказывающихся* пропозиций (а иногда, возможно, он называет первыми универсалиями сами *антивысказывающиеся* пропозиции). Аристотель, учитывая в определении «необходимости» пропозиции наряду с «самим по себе» также и «поскольку само», тем самым учитывает два варианта «следования бытия»: не обращающееся и обращающееся. Впоследствии мы покажем, что те же два варианта Аристотель учитывает и при интерпретации своей силлогистики.

Что касается третьей составляющей определения «необходимости» пропозиции – присуще «всем», то сам факт буквенных обозначений, которые Аристотель ввел в свою силлогистику, говорит о том, что он рассматривал свои силлогизмы как универсальные схемы умозаключений. В этом смысле универсальны силлогизмы и с универсальными посылками (например, *Barbara*), и с частными (например, *Darii*).

Таким образом, силлогистическое «необходимое сопутствование чего-то другого» содержит аналоги всех трех составляющих определения «необходимости» в *An. Post.* I 4. А обращается ли Аристотель к «истинности» при определении «необходимости» в *An. Post.* I 4? В этой главе «истина» упоминается только однажды, и то в примере (73 а 28–32): «...Например, если на основании всякого человека [истинно сказать] “животное”, то если истинно сказать, вот это – “человек”, истинно [сказать] и “животное”...». Этот же пример можно было бы привести, и не употребляя слова «истина», – «если человек *есть*, то и животное *есть*». Так что можно сказать, что Аристотель определяет в *An. Post.* I 4 «необходимость» пропозиции без привлечения «истины».

В определении силлогизма в *An. Pr.* I 1, 24 b 18–22 помимо пояснения «благодаря их бытию» как «сопутствования из-за них» дается еще одно пояснение: ««сопутствование из-за них» (τὸ διὰ ταῦτα συμπάσκειν) [значит, что] “оно не нуждается ни в каком постороннем термине, чтобы возникнуть с необходимостью”». Для истолкования этого пояснения полезно обратиться к *An. Pr.* I 32. В этой главе Аристотель пишет о том, что для построения силлогизма надо принять две посылки, состоящие из трех терминов, и разбирает возможные при этом ошибки. Для нас в данном случае представляют интерес его слова о том, что не всякое «необходимое сопутствование из положенных [посылок]» есть силлогизм (47 а 22–24). Далее в качестве примера Аристотель разбирает диалектическое рассуждение: (1) если с уничтожением не-сущности сущность не уничтожается, (2) а при уничтожении того, из чего нечто состоит, уничтожается и то, что из них состоит, (3) необходимо, что части сущности суть сущности (47 а 24–27), – и заявляет, что в данном случае силлогизма нет, ибо для сделанного заключения не хватает посылка (а значит, и терминов) (47 а 27–28), т.е. заключение сделано не на основании приведенных посылок. Итог рассуждения дается в *An. Pr.* I 32, 47 а 31–35: «Мы ошибаемся в таких [случаях], потому что положенным (ἐκ τῶν κετιμένων) [посылкам] необходимо что-то сопутствует, а силлогизм есть необходимость. Однако необходимость [простирается] на большее, чем силлогизм, ибо всякий силлогизм [содержит] необходимость, но не всякая необходимость [содержит] силлогизм».

Отметим также, что необходимость «сопутствования другого» в силлогизме не предполагает обязательной необходимости самих посылок, которым нечто сопутствует с необходимостью. Если иметь в виду силлогизм как $A \vdash B$, то если A необходимо, ему с необходимостью сопутствует необходимость B ; если A есть, то с необходимостью и B есть; если же A лишь возможно, то ему с необходимостью сопутствует лишь возможность B . Аристотель пишет об этом в явном виде в *An. Pr.* I 15, 34 а 5–7 и 22–24.

Что касается истинности и ложности посылок и сопутствующего им заключения в силлогизме $A \vdash B$, то Аристотель исходит из следующего принципа: если A есть, то B есть, а если B нет, то A нет. Он пишет об этом в *An. Pr.* II 2, 53 b 11–16 и 4, 57 а 36–b 17. Мы свели истинностные значения посылок и заключений в табл. 6.

Таблица 6

$A \vdash B$	
A	B
При мысленном движении от посылок к заключению, т.е. если истинностное значение A такое-то, то истинностное значение B такое-то	
истина	истина
ложь	или истина, или ложь
При мысленном движении от заключения к посылкам, т.е. если истинностное значение B такое-то, то истинностное значение A такое-то	
или истина, или ложь	истина
ложь	ложь

В логической литературе встречается мнение, что современная логика допускает истинные выводы из ложных посылок, а вот аристотелевская силлогистика, мол, допускает истинные заключения только из истинных посылок. Нам непонятно, почему возникло это мнение. Таблица 6 и указанные фрагменты *An. Pr.* свидетельствуют о том, что это не так. Вообще, Аристотель в явном виде рассматривает силлогизмы с ложными посылками в *An. Pr.* II 2–4.

Мы уже отметили, что Аристотель относит силлогизм к «необходимому сопутствованию» скорее всего по аналогии с доказанной пропозицией, в которой предикат «сам по себе сопутствует» субъекту. Вышеуказанный принцип, касающийся истинности и ложности посылок и сопутствующего им заключения, судя по всему, совпадает с соответствующим принципом для доказанных пропозиций. Рассмотрим в качестве примера силлогизм, который сам Аристотель рассматривает в *An. Post.* II 16–17:

(1-й тип эпистемического силлогизма):
 «опадение листьев» присуще всякому «широколиственному растению»,
 всякая виноградная лоза – широколиственное растение,
 «опадение листьев» присуще всякой «виноградной лозе».

Пропозиции ««опадение листьев» присуще всякой «виноградной лозе»» соответствует тот же принцип, что и для силлогизма: если «виноградная лоза» *есть*, то и «опадение листьев» *есть*, а если «опадения листьев» *нет*, то и «виноградной лозы» *нет*. Однако если «опадение листьев» *есть*, то «виноградной лозы» может и не быть, ибо листья опадают не только у виноградной лозы.

Пропозиция ««опадение листьев» присуще всякой «виноградной лозе»» не антивывысказывается. Но ведь возможны пропозиции, которые *антивывысказываются*. Приведем в качестве примера еще один аристотелевский силлогизм из *An. Post.* II 16–17. Речь в данном случае идет о вопросе, почему у широколиственных растений опадают листья. Аристотель придерживается мнения, что они опадают потому, что некий сок затвердевает в черешках листьев. При этом он составляет следующий силлогизм:

(2-й тип эпистемического силлогизма):

«опадение листьев» присуще «затвердеванию сока в черешках [листьев]» (*A B*),

«затвердевание сока в черешках» присуще «широколиственным растениям» (*B Г*),

«опадение листьев» присуще «широколиственным растениям» (*A Г*).

Заключение этого силлогизма – ««опадение листьев» присуще всякому «широколиственному растению»» *антивывысказывается*. В этом случае мы имеем дело с другим принципом, а именно, с принципом пятого варианта «антистрофы»:

Если *есть Г*, *есть* и *A*, а если *есть A*, *есть* и *Г*.

Антивывысказываться могут не только заключения силлогизмов, но и их посылки. В первой части статьи при рассмотрении «антистрофы» как «антивывысказывания» мы показали, что Аристотель формализует возможность *антивывысказывания* как выполнимость условия $AaB \Rightarrow BaA$ и разрабатывает дополнительные формальные преобразования силлогизмов при выполнимости этого условия. Истинностная таблица для таких силлогизмов, судя по всему, будет отличаться от табл. 6. В *An. Post.* I 3 Аристотель делает замечание (что мы уже

отметили в первой части статьи), что *антивысказывающиеся* посылки «в доказательствах немногочисленны» (73 а 17–18). Однако эта оценка не соответствует тому, что он сам пишет в *An. Post.* II. Все говорит за то, что силлогизмы с *антивысказываемыми* посылками играют первостепенную роль в аподиктике Аристотеля.

Итак, аристотелевская силлогистика допускает по крайней мере два варианта интерпретации – посредством *не антивысказывающихся* и посредством *антивысказывающихся* посылок, и истинностные таблицы для силлогизмов при таких интерпретациях будут разными. Однако принцип «истине сопутствует истина» сохраняется при обоих вариантах.

До сих пор мы вели речь о «необходимом сопутствовании», входящем в аристотелевское определение силлогизма. Но ведь в этом определении говорится не просто о «необходимом сопутствовании», а о «необходимом сопутствовании чего-то *другого*». Мы продолжим обсуждение «необходимости чего-то *другого*» в следующей части статьи в контексте сравнения силлогизма с «антистрофами».

III. В чем разница между силлогизмом и «антистрофами»?

Здесь мы отчасти продолжим наше рассуждение, начатое в конце первой части статьи. Правомерно ли применительно к Аристотелю рассматривать «антистрофы» как некие «выводы» или даже «непосредственные силлогизмы» наряду с собственно силлогизмами? С нашей точки зрения, Аристотель отчетливо разводит «антистрофы» и силлогизмы. В чем он усматривает их различие?

З.Н. Микеладзе пишет, имея в виду определение силлогизма в *An. Pr.* I 1, 24 b 18–22, *Top.* I 1, 100 a 25–27 и *Soph.* 1, 164 b 27–165 a 3, что «аристотелевское определение силлогизма есть, по существу, определение дедукции, дедуктивного рассуждения в самом широком смысле этого термина, и притом определение вполне корректное, если только изъять из него очевидно ненужное, хотя и понятное ограничение, гласящее ... что заключение должно отличаться от посылок» [41]. А с нашей точки зрения, слова «нечто другое» (ἕτερόν τι), как и «сопутствующее» (τὸ συμβαίνει), играют ключевую роль в аристотелевском определении «силлогизма».

Аристотель в «Аналитиках», имея в виду «сопутствование <...> благодаря их [т.е. положенных посылок] бытию», неоднократно подчеркивает, что «сопутствование» возникает благодаря двум посылкам, включающим три термина; одному же термину или же одной посылке ничто не сопутствует. Аристотель говорит об этом в *An. Pr.* I 15, 34 a 5–24; I 23, 40 b 30–41 a 20; II 2, 53 b 11–20 и *An. Post.* I, 3, 73 a 6–20. В последнем из указанных фрагментов он, в частности, поясняет (73 a 7–11): «Было показано, что если единое положено (κεῖμένου), то никогда не *необходимо* быть *чему-то другому* (говоря же “если единое”, когда положен единый термин или единый тезис), а умозаключить (συλλογίσασθαι), если и возможно, то по меньшей мере из двух первых тезисов».

В данном фрагменте Аристотель не употребляет слово «сопутствовать», но говорит о «бытии чего-то другого». Смысл фрагмента таков: чтобы было необходимо *что-то другое*, одного термина или одной посылки недостаточно; а вот если мы положим две посылки (из трех терминов), тогда станет возможным силлогизм (а следовательно, и *сопутствование другого*). С одним термином и одной посылкой мы имеем дело при «следовании бытия», т.е. в «антистрофах». «Антистрофы» не включают в себя *сопутствования другого*. Отметим, что в одном из трех определений «силлогизма», а именно, в определении, которое Аристотель дает в *Soph.* 1, также не упоминается «сопутствование», а вот «нечто другое» упоминается (164 b 27–165 a 2): «Ибо силлогизм есть из каких-то положенных [посылок], так что с необходимостью сказывается (λέγειν) *что-то другое* для положенных из-за положенных...».

Чем различаются «следование бытия» и «сопутствование <...> благодаря их [т.е. положенных посылок] бытию»? «Следование бытия» имеет место тогда, когда за одним термином следует другой термин. Однако Аристотель говорит, что «когда положен единый термин», то «не необходимо быть чему-то другому». Это значит, что «следование бытия» мы допускаем сами при допущении посылки. Мы уже рассматривали аристотелевское понимание «допущений» в нашей статье «О русских переводах гносеологической терминологии Аристотеля» [42]. Поэтому сейчас лишь повторим, что, согласно Аристотелю, необходимость присущности одного другому чувственно нам не дана, эту необходимость мы допускаем сами. Мы ее допускаем, *думая*, что в одном случае одно присуще другому необходимо (в этом случае мы

будем иметь посылки доказывающих силлогизмов), а в другом случае – не необходимо (в этом случае мы будем иметь мнения или же посылки диалектических силлогизмов). Обратимся вновь к аристотелевскому примеру эпистемического силлогизма второго типа, который мы приводили в предыдущей части статьи: мы допускаем, что за «затвердеванием сока в черешках [листьев]» следует «опадение листьев», *думая*, что это необходимо. Однако для другого человека наше «думание» (о необходимости этого допущения) никакой «внешней принудительности» не имеет. Поэтому каждый вправе возразить нашему допущению и предложить какое-нибудь свое. Если же мы приняли два допущения (включающих три термина) и, предположим, наши оппоненты с нами согласились, то этим посылкам с необходимостью будет «сопутствовать нечто другое», а именно, заключение силлогизма (имеется в виду, что посылки мы приняли в соответствии с одним из правильных модусов). Необходимость этого «сопутствования» уже не зависит от нашего «думания» и имеет характер «внешней принудительности» для наших оппонентов.

Аристотелевское учение о силлогизмах возникло из практики устной аргументации в диалектических беседах. Суть «внешней принудительности» силлогизма состоит в том, что если человек согласился с положениями AB и $BГ$, то он не может не согласиться с положением AG . Если же он никак не соглашается с положением AG , то он должен отказаться от положения AB , $BГ$ или от обоих. При этом человек может соглашаться с заключением и не соглашаться с посылками.

Отметим, что у Аристотеля встречается такое выражение, как «заключение без среднего [термина]» ($\tau\acute{o}$ $\sigma\upsilon\mu\lambda\acute{\epsilon}\rho\alpha\sigma\mu\alpha$ $\acute{\alpha}\nu\epsilon\upsilon$ $\tau\omicron\upsilon$ $\mu\acute{\epsilon}\sigma\omicron\upsilon$), т.е. «непосредственное заключение». Кто-то мог бы подумать, что это и есть аристотелевский вариант «непосредственного умозаключения». Аристотель поясняет это выражение так (*An. Post.* II 5, 91 b 37–92 a 5): если бы кто-то сказал, что если *есть* это, то необходимо *бытие вот этим*, – например, если *есть* человек, то необходимо, что «человек есть животное смертное, с ногами, двуногое, бесперое». Далее Аристотель показывает, что на самом деле никакой необходимости здесь нет, ибо в данном случае силлогизм вообще не возникает. В пользу того, что приведенное определение не необходимо, свидетельствует и тот факт, что сам Аристотель в «Истории животных» иначе определяет «человека»: человек есть животное с кровью, с легкими с кровью, двуногое [43]. При этом у Аристотеля встречается положение, согласно

которому присущее в сути необходимо; а ведь то, что принимается в определении, принимается как присущее в сути. Речь опять же идет о том, что в данном случае мы имеем дело не с силлогистической необходимостью, а с необходимостью, которую мы сами принимаем. Добавим: раз «непосредственное заключение» – не силлогизм, то оно и не энтимема (как считают некоторые комментаторы). Само же выражение «непосредственное заключение», вероятно, имеет право на существование при обсуждении философии Аристотеля. Это выражение можно было бы употреблять в связи со «следованием бытия».

Итак, «следование бытия», будь то необходимое или не необходимое, мы допускаем сами при допущении посылок (или же принятии определений). Но если мы допустили две посылки из трех терминов согласно правильному модусу, то помимо «нашей воли» возникает «необходимое сопутствование чего-то другого». «Антистрофы» относятся к «следованию бытия», силлогизм – к «необходимому сопутствованию чего-то другого».

«Антистрофы» выступают в качестве преобразований допущенных нами посылок. Ничего «другого» они не содержат. Высказывания:

A присуще всякому *B*;
B присуще некоторому *A* (1-й вариант антистрофы);
B присуще всякому *A* (при антивысказываемости посылки)
 (5-й вариант антистрофы);
 всякое *B* есть *A* (при определенных содержательных условиях)
 (6-й вариант антистрофы) –

суть высказывания одного и того же. И высказывания:

может быть, *A* не присуще ни одному *B*;
 может быть, *A* присуще некоторым *B* (2-й вариант антистрофы) –

суть высказывания одного и того же. И выражения:

отец сына;
 сын отца (4-й вариант антистрофы) –

суть выражения одного и того же отношения. И даже силлогизмы:

$(AaB, Ba\Gamma + Aa\Gamma) \Rightarrow (Ae\Gamma, AaB + Be\Gamma)$ (3-й вариант антистрофы) –

суть тот же силлогизм. Ибо, согласно Аристотелю, противоположные высказывания, будь то контрарные или контрадикторные, суть высказывания об одном и том же: если мы имеем высказывания AaB , AeB и AiB , то наша задача – определиться с их истинностью или ложностью, и это дело одной и той же эпистемы.

Итак, Аристотель различает «необходимое сопутствование чего-то другого» (силлогизм) и «следование бытия» (допущение пропозиции, т.е. допущение следования одного термина за другим, которое может обращаться согласно шести вариантам). Очевидно, что «необходимое сопутствование чего-то другого» имеет самое непосредственное отношение к тому, что сегодня называют «логическим следованием», а также «правильным выводом». А относятся ли к «логическому следованию» (в его современном понимании) обращения «следования бытия», т.е. «антистрофы»? Не будучи специалистами по современной логике, мы воздерживаемся от однозначного ответа на этот вопрос.

Примечания

1. Целищев В.В. Нормативность дедуктивного дискурса: Феноменология логических констант. – Новосибирск: «Нонпарель», 2004. – С. 25.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 181.
3. См.: Аристотель. Аналитики первая и вторая / Пер. Б.А. Фохта. – М.: Госполитиздат, 1952.
4. См.: Аристотель. Первая аналитика / Пер. З.Н. Микеладзе // Аристотель. Соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1975–1984. – Т. 2. – 1978. – С. 117–254.
5. См.: Прим. 1 к *An. Pr.* I 14, прим. 4 к *An. Pr.* II 8; (см.: Аристотель. Аналитики первая и вторая. – С. 212, 367–368.
6. См.: Бочаров В.А. Аристотель и традиционная логика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 80–84.
7. Aristotle. Categories and De Interpretatione / Tr. with Notes and Glossary by J.L. Ackrill // Oxford: Clarendon Press, 1963. – P. 100.
8. См.: Аристотель. Категории / Пер. А.В. Кубицкого // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1131–1166.
9. См.: Aristotle. Categories and De Interpretatione...
10. См.: Аристотель. Категории / Пер. З.Н. Микеладзе // Аристотель. Соч.: В 4 т. ... – 1978. – Т. 2. – С. 51–90.

11. *Аристотель*. Топика / Пер. М.И. Иткина // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... 1978. – Т. 2. – С. 347–531.
12. См.: *Орлов Е.В.* Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 47–48.
13. См.: *Аристотель*. Категории / Пер. А.В. Кубицкого...; *Аристотель*. Категории / Пер. З.Н. Микеладзе...
14. См.: *Aristotle*. Categories and De Interpretatione...
15. *Аристотель*. Топика...
16. Там же.
17. См.: *Aristotle*. Topics / Tr. by W.A. Pickard-Cambridge // *The works of Aristotle*. – Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1952. – V. 1–2 // *Great Books of Western World*. – V. 8–9. – V. 8. – P. 143–226.
18. См.: *Аристотель*. Аналитики первая и вторая...
19. См.: *Аристотель*. Вторая аналитика / Пер. З.Н. Микеладзе // *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... – Т. 2. – 1978. – С. 255–346.
20. См.: *Аристотель*. Топика...
21. См.: *Aristotle*. Posterior analytics / Tr. with Comm. by J. Barnes. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1994.
22. См.: *Aristotle*. Topics...
23. См.: *Аристотель*. Аналитики первая и вторая...
24. См.: *Аристотель*. Топика...
25. См.: *Аристотель*. Первая аналитика...
26. См.: *Aristotle*. Prior analytics / Tr. by R. Smith. – Indianapolis-Cambridge: Hackett Publishing Comp., 1989.
27. См.: *Орлов Е.В.* Индуктивный силлогизм у Аристотеля // *Вероятностные идеи в науке и философии*. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН; Новосиб. гос. ун-т, 2003. – С. 38–40.
28. Там же.
29. См.: *Лебедев С.А.* Основные линии развития классической индукции // *Индуктивная логика и формирование научного знания* / Отв. ред. Б.Н. Пятницына. – М.: Наука, 1987. – С. 111.
30. *Аристотель*. Аналитики первая и вторая... – С. 393. – Прим. 2
31. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. ... – Т. 2. – С. 659. – Прим. 3 к *Тор.* II 1.
32. См.: *Лукаевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Пер. с англ. Н.И. Стяжкина и А.Л. Субботина. – М.: Иностр. лит., 1959. – С. 105–115; *Smith R.* What is Aristotelian ecthesis? // *History and Philosophy of Logic*. – 1982. – No. 3. – P. 113–127; *Бочаров В.А.* Аристотель и традиционная логика. – С. 86–88; *Aristotle*. Prior analytics / Tr. by R. Smith... – P. xxiii–xxv, 112.
33. См.: *Аристотель*. Аналитики первая и вторая...
34. См.: *Зубов В.П.* Аристотель. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 97.
35. См.: *Аристотель*. Первая аналитика...
36. См.: *Aristotle*. Prior analytics / Tr. by A.J. Jenkinson // *Great Books of Western World*. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952. – V. 7. – P. 39–96.
37. См.: *Aristotle*. Prior analytics / Tr. by R. Smith...
38. См.: *Орлов Е. В.* Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – С. 49–51.
39. Там же. – С. 17–21.

40. См.: Орлов Е.В. Аристотель о частных и универсальных доказательствах во «Второй аналитике» А // Вестник НГУ. – 2003. – Т. 1, вып. 1. – С. 144–152.
41. Микеладзе З.Н. Основоположения логики Аристотеля // Аристотель. Соч.: В 4 т. – Т. 2. – С. 8.
42. См.: Орлов Е.В. О русских переводах гносеологической терминологии Аристотеля [Электронный ресурс]. – www.vox-journal.ru. 2007. – Вып. 2.
43. См.: Орлов Е.В. Элементы систематизации в «Истории животных Аристотеля» // Философия науки. – 2006. – № 3. – С. 22 (табл. 5).

Институт философии и права
СО РАН, Новосибирск

Orlov, E.V. Syllogism and inverses in Aristotle's works

The paper proves the thesis that Aristotle distinguishes «essential concomitance of another» (syllogism) and «sequence of reality» (assumption of proposition, i.e. assumption of sequence of terms one after another which may inverse according to six alternatives). It is evident that «essential concomitance of another» directly relates to something, which we call now «logic sequence» or «right inference».